

Манифест Palantir в когнитивном программировании сознания

Экзокортекс: от инструмента к среде мышления



ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ИНСТРУМЕНТ И НАЧИНАЕТСЯ
КОГНИТИВНАЯ СРЕДА?

Экзокортекс не устанавливается декларацией.
Он выращивается поведением.

повторение

→ привычка

→ зависимость

→ среда

Лэй Энстазия

**Манифест Palantir в когнитивном
программировании сознания**

«Автор»

2026

Энстазия Л.

Манифест Palantir в когнитивном программировании сознания /
Л. Энстазия — «Автор», 2026

Книга «Манифест Palantir в когнитивном программировании сознания» — полемическая деконструкция манифеста Palantir и его автора Алекса Карпа. Автор, называющий себя когнитивным программистом, читает 22 тезиса как исполняемый код и ищет в нём баг. Манифест трактуется не как политическая программа или онтология, а как симптом: реакция на онтологический шок, вербализация аффекта, коллаж из старых идей и личной травмы. Через понятия интроекта, экзокортекса, импринтинга, дофаминовой петли и трансгенерационной вины анализируются дислексия, травля и развод родителей Карпа, а также контракты Palantir с Пентагоном, ICE, NHS, Израилем и Украиной. Palantir описывается как квазигосударственный психотехнологический организм без субъектности: он не управляет территорией, а управляет данными, не защищает граждан, а профилирует их, не ведёт войну, а оптимизирует её. Книга предлагает не спорить с манифестом, а декомпилировать его: вскрыть код, найти баги и понять механизм.

© Энстазия Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Моральный долг как трансгенерационная передача вины	7
Глава 2. Тирания приложений и когнитивные карты потребителя: iPhone как успешный импринтинг	9
Глава 3. Жёсткая сила, построенная на софте как онтологическая иерархия: ТИТАН и операционная система для убийства	11
Глава 4. Военная повинность как коллективный интроект: почему интроекты не работают по приказу	13
Глава 5. Атомная эра сдерживания завершается и квантовая определённость: потеря субъектности на уровне цивилизации	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Манифест Palantir в когнитивном программировании сознания

Введение

Я — когнитивный программист. Не психолог, не политолог, не философ. Я архитектор сознания и смотрю на манифест Palantir как на исполняемый файл. Мой инструмент — декомпиляция, метод — вскрытие кода, цель — не исправить манифест, а показать, где в нём спрятан баг. Ты — не пассивный потребитель, а добровольный исследователь, готовый вскрывать код. Пристёгивайся.

Манифест обсуждают все: кто-то кричит «технофашизм», кто-то — «бред суперзлодея», другие увидели в нём «нейрофашизм». Это классическая реакция на стимул без концептуализации: аффект, оценка, вербализация — и ни одной попытки декомпилировать код. Когда система сталкивается с угрозой, она не анализирует, а реагирует: страх, гнев, беспомощность. Потом включается защитный механизм — назвать врага злом, навесить ярлык, закрыть глитч. Но глитч не закрывается ярлыком. Он требует декомпиляции.

22 тезиса Алекса Карпа — не политическая программа и не философский трактат. Это сырой интроект, который корпорация пытается запечатлеть в коллективном сознании Запада через повторение, интерфейсы, метрики и нарративы. Как любой интроект, он требует анализа: что здесь оптимально, что деструктивно и где спрятан баг. Манифест — не программа, а симптом. Автор видел угрозу и каждый раз сталкивался с глитчем в глобальном экзокортексе, но вместо декомпиляции вербализовал аффект в 22 тезисах и остановился. Поведение не было отрефлексовано, когнитивная карта не была переписана — она была зацементирована.

В когнитивном программировании есть принципиальное различие, которого не видят критики манифеста. Устройство — лишь терминал: оно обрабатывает информацию, выполняет команды, может быть мощным и даже «умным», но остаётся инструментом. Экзокортекс — среда, в которой мышление уже происходит; не инструмент, не приложение и не платформа в обычном смысле, а среда, формирующая границы допустимого мышления и определяющая, какие когнитивные карты возможны, а какие — нет. Манифест Palantir — не устройство. Это попытка стать экзокортексом западной цивилизации. Но экзокортекс не создаётся декларацией и не устанавливается, как операционная система. Он выращивается через импринтинг, повторяющееся поведение, закрепление в нейронных сетях, годы, поколения, трансгенерационный фактор. 22 тезиса — не экзокортекс, а UI-оболочка для экзокортекса, которого ещё нет.

Карп рисует интерфейс операционной системы реальности: кнопки, меню, иконки — «нажми здесь, чтобы активировать жёсткую силу», «нажми здесь, чтобы переопределить гражданство», «нажми здесь, чтобы отбросить пустой плюрализм». Но сама система не установлена и даже не написана. Она симпровизирована из обрывков неоклассической социальной теории, культурного дарвинизма и личной травмы. Это не синтез, а коллаж из деструктивных интроектов, которые не были отрефлексованы, пережиты и индивидуированы — они были скопированы. Ты читаешь его манифест и чувствуешь, что за ним стоит нечто большее, чем маркетинг. Это паттерн-детектор сработал на отсутствие когнитивной эмерджентности: ты ожидаешь, что доктрина такого уровня будет живой онтологией, эволюционирующей через адаптацию и саморефлексию, а получаешь 22 пункта, похожих на статическую выгрузку из контекстного окна. Ты прав.

Palantir — идеальный пример психотехнологического организма, но не государственного, а квазигосударственного. Он имитирует государственность: суверенитет, оборону, гражданство, воинскую повинность. Но у него нет территории, народа и легитимности. Есть

только военные контракты. Квазигосударство — не государство, а симулякр государственности, собранный из корпоративных функций. Palantir не управляет территорией, а управляет данными о территории. Не защищает граждан, а профилирует их. Не ведёт войну, а оптимизирует её. Ни одна из существующих психотехнологических онтологий не обладает зрелой субъектностью: их «воля» фрагментирована между коммерческими интересами, государственными инстинктами и неосознанными травмами авторов систем. Это не онтология, а эрзац-онтология.

Карп имеет PhD по неоклассической социальной теории, изучал философию и право в Хэверфорде и Стэнфорде, работал во Франкфурте над диссертацией «Агрессия в повседневной жизни», применяя теорию коммуникативного действия Хабермаса. Он знает, что такое онтология. И всё же манифест — не онтология, а реакция на онтологический шок. Карп не декомпилирует глитчи воений, а закрывает их. 22 тезиса — не анализ, а защитный механизм; в терминах КПКС это сопротивление: автоматические действия неосознанных рефлексов, аффектов и мыслей. Онтология по наитию — не онтология, а импровизация. Карп рисует интерфейс операционной системы реальности, но сама система не установлена и даже не написана.

Критики называют манифест «бредом суперзлодея» и «нарциссической тирадой высокомерной организации». Они правы, но не видят механизм. Они видят симптом и не видят травму, не видят восьмилетнего мальчика, который учится читать иначе, чем все остальные. Мальчика, которому диагностировали дислексию, который три года провёл в школе для детей с трудностями обучения, которого травил одноклассник и который решил: если мир не понимает меня, я перепису мир. Карп сам называет дислексию «формирующим моментом» своей жизни: «Если ты глубокий дислексик, ты не можешь играть по готовому сценарию. Нет сценария, который дислексик способен освоить. И потому мы учимся мыслить свободно». Это не свобода мысли, а вынужденная компенсация. Компенсация требует грандиозности, грандиозность требует системы, которая докажет, что ты не недостаточен. Palantir — материализованная травма: ребёнок, которого не понимали, создаёт систему, которая понимает всех; ребёнок, которого травил, создаёт систему, которая трекает всех. Критики этого не видят: они кричат «технофашизм», не проходят через стадию концептуализации, навешивают ярлык и закрывают глитч. Но глитч не закрывается ярлыком.

Манифест Palantir — не концепция. Это психотехнологический организм, который ещё не обрёл субъектность. Он не государственный, а квазигосударственный. Не глобальный, а американский. Не онтология, а эрзац-онтология, собранная из деструктивных интроектов и реактивных аффектов. Манифест — не программа, а симптом: автор увидел угрозу, отреагировал аффектом — страхом, гневом, беспомощностью, — вербализовал его в 22 тезисах и остановился. Поведение не было отрефлексировано, когнитивная карта не была переписана — она была зацементирована. Это не лозунг, а инструкция. Ты не можешь проголосовать против манифеста, потому что он не политическая программа. Ты не можешь развернуть его, потому что он не предлагает системы — он предлагает UI-оболочку. Ты можешь только декомпилировать его: вскрыть код, найти баги, понять механизм.

Глава 1. Моральный долг как трансгенерационная передача вины

Ты открыл первую страницу не для того, чтобы согласиться или возразить, а потому что чувствуешь: здесь что-то не так на уровне архитектуры. Первый тезис бьёт прямо в лоб: «Кремниевая долина имеет моральный долг перед страной, сделавшей возможным её взлёт. Инженерная элита Кремниевой долины обязана участвовать в обороне страны.». Читаешь — и что-то внутри сжимается. Не потому что «неправда», а потому что знакомо. Слишком знакомо. Так говорят не о гражданском долге — так говорит родитель, который считает, что ты ему обязан.

«Silicon Valley owes a moral debt» — дословно «имеет моральный долг». Не «должна», не «обязана» — owes. Слово, неотделимое в английском от финансовой метафоры: ты взял в долг, ты должен вернуть. Но здесь долг моральный, то есть такой, который нельзя выплатить деньгами, нельзя закрыть, который существует всегда. Дальше — «affirmative obligation», юридический термин, «обязательство совершить действие». Не право, не возможность — обязательство. И это единственный случай в манифесте, когда речь идёт о «защите» нации; дальше — только глобальное доминирование, силовое превосходство и «жесткая сила». Ты видишь структуру: сначала долг, потом обязательство, потом действие. Но вот вопрос — чей долг и перед кем?

В концепции когнитивного программирования сознания для этой структуры есть точное понятие — интроект. Это не просто усвоенная идея, а идея, проглоченная целиком, без пережёвывания, переваривания и интеграции. Ребёнок, которому говорят «ты мне должен, потому что я тебя вырастил», не анализирует это утверждение — он его запечатлевает. Оно становится частью его когнитивной карты, частью личности, частью архитектуры. Первый тезис манифеста — родительский интроект в чистом виде, только в роли родителя выступает государство, а в роли ребёнка — инженерная элита. И Карп не просто констатирует этот долг, он его постулирует. Он не спрашивает, существует ли долг, — он утверждает: долг существует, он моральный, он неоплатный.

С точки зрения КПКС это значит, что инженер — любой инженер, любой представитель «engineering elite» — оказывается в позиции вечного должника. Он не может просто работать, просто создавать, просто быть. Он всегда должен, всегда виноват, никогда не свободен. Это не патриотизм: патриотизм — ресурсное состояние, он даёт энергию, смысл, принадлежность. А здесь только долг, только вина, только обязанность, которая никогда не будет исполнена.

Но есть кое-что глубже. Долг, который описывает Карп, не останавливается на одном поколении — он передаётся дальше. Трансгенерационный фактор — это механизм, через который травма, вина или долг переходят из поколения в поколение: не через гены, а через поведение, через паттерны, через временную петлю познавательных процессов. Инженер, который «должен» сегодня, передаст этот долг преемнику, студенту, сыну, дочери — не потому что хочет, а потому что не может иначе. Он сам был запечатлён в этой петле и теперь запечатлевает в ней следующего. Ты должен, потому что я должен; я должен, потому что мой предшественник был должен; и так далее — до бесконечности. Карп не просто призывает к долгу — он программирует чувство вины как мотивационную структуру. Вина здесь не эмоция, а двигатель: она заставляет действовать, доказывать, служить. И пока вина работает, система работает, потому что вина — топливо, которое никогда не заканчивается. Ты всегда можешь быть ещё более виноватым, сделать ещё больше, отдать ещё больше. Петля замкнулась.

С точки зрения когнитивного программирования это деструктивный интроект, потому что он не создаёт ресурсное состояние. Ресурсный интроект даёт энергию: «ты способен», «ты можешь», «ты имеешь право» — ты действуешь из полноты, из избытка, из желания. Деструк-

тивный интроект даёт недостаточность: «ты должен», «ты виноват», «ты не имеешь права просто быть» — ты действуешь из пустоты, из дефицита, из страха. Это классическая нарциссическая травма, только не на уровне одного человека, а на уровне целой индустрии. Инженер, запечатлевший такой интроект, не может сказать «я сделал достаточно», потому что «достаточно» не существует. Долг не имеет дна и меры; это не задача, которую можно решить, а условие, в котором ты живёшь. Ты всегда должен, всегда виноват, никогда не можешь просто быть.

Почему же именно государство становится «родителем», перед которым инженер «в долгу»? Потому что у Карпа есть личная история. Его отец, Роберт Джозеф Карп, еврейский педиатр, отказался платить за его образование: «Боб звонит Алексу и говорит: «Я больше не буду платить за твою учебу в колледже».». Мать, Ли Джейнс Карп, собрала деньги через кредиты и свою пенсию, а сам Карп беспокоился, сможет ли вообще закончить учёбу. Это не финансовый вопрос, а акт отвержения: отец не просто перестал платить — он отделился от семьи и «внезапно лишила их того состояния, когда быть бедным было вполне комфортно». В концепции КПКС это называется переносом. Ребёнок, не получивший от отца того, что ему было нужно — заботы, поддержки, признания, — переносит образ отца на другой объект: на государство, на институт, на фигуру привязанности. Государство в манифесте — не институт, не правовая структура и не совокупность граждан. Это фигура привязанности, родитель, который должен заботиться, платить, поддерживать. А если не заботится, не платит, не поддерживает — его нужно заставить. Через воинскую повинность, через обязательную службу, через обязательство техноэлиты участвовать в обороне. Это не призыв к патриотизму, а требование к родителю, который не выполнил свою функцию: «Ты должен был заботиться. Ты не заботился. Теперь я заставляю тебя».

И здесь появляется Palantir — не как компания и не как продукт, а как посредник. Она предлагает себя в качестве связующего звена между гражданином и государством-родителем: платформа, которая знает всё о тебе и обо всех, которая заботится и которая наказывает, если ты не следуешь правилам. Ты не просто «должен» государству — ты должен через Palantir. Она становится тем самым переходным объектом, который обещает: «Я защищу тебя от хаоса, дам тебе структуру, сделаю твою реальность предсказуемой». Но переходный объект не лечит, он только закрывает потребность. Настоящее исцеление требует индивидуации — прохождения через боль, через отказ от иллюзий, через встречу с собственным бессознательным. Карп этого не сделал: он интеллектуализировал травму, перевёл её в философию, в манифест, в 22 тезиса — и теперь предлагает всем пройти его путь. Только не через терапию, а через разворачивание его версии реальности.

Первый тезис манифеста — это не патриотизм. Это трансгенерационная передача вины. Не долг — петля. Ты не можешь выплатить этот долг, потому что он не имеет конца. Ты не можешь отказаться от него, потому что он был запечатлён до того, как ты научился говорить «нет». Ты можешь только декомпилировать его: вскрыть код, увидеть механизм, понять, что вина, которую ты чувствуешь, — не твоя. Она была установлена. Как программа. Как интроект. Как временная петля. И тогда, возможно, ты сможешь выйти из неё.

Глава 2. Тирания приложений и когнитивные карты потребителя: iPhone как успешный импринтинг

«Мы должны восстать против «тирании приложений».», — провозглашает Карп. Ты читаешь это и чувствуешь: здесь что-то не так. Не потому что «неправда», а потому что знакомо. Так говорит не критик технологий, а тот, кто проиграл конкурентную борьбу за когнитивные карты — и теперь называет победителя «тираном». Второй тезис манифеста бьёт не в государство, а в интерфейс. Карп спрашивает: «Действительно ли iPhone — величайшее и высшее творческое достижение нашей цивилизации? Это устройство изменило нашу жизнь, но теперь оно, возможно, также ограничивает и сковывает наше представление о том, что возможно.». Обрати внимание на слово «our» — «наше». Карп говорит не от лица инженера и не от лица потребителя, а от лица цивилизации. Он присваивает себе право говорить за всех: «мы» — это не «я и мои коллеги», а «вся западная цивилизация, голосом которой я являюсь». Это не критика, а захват права определять, что является достижением, а что — ограничением, что свободой, а что тюрьмой, что «нашим», а что «чужим». Карп не анализирует iPhone — он проецирует на него свою травму. Он видит тюрьму там, где работает нейросетевая модель, и называет «тиранией» то, что сам не смог создать.

В когнитивном программировании для этой структуры есть точное понятие — проекция. Это не просто перенос, а вытеснение: ты не можешь признать, что чувствуешь, и приписываешь это чувство другому объекту, другому человеку, другой системе, другой технологии. Карп не может конкурировать с iPhone на уровне потребительского импринтинга. iPhone — это не тирания, а успешный импринтинг, когнитивная карта, зацементированная в нейронных сетях миллиардов людей. Свайп, лайк, скролл — дофаминергический комплекс запускается по расписанию, система вознаграждения закрывает потребности, которые не были зафиксированы ни в трансгенерации, ни в динамике жизни, — они были запрограммированы интерфейсом. Это не тюрьма, а работающая нейросетевая модель. Разница лишь в оценке: Карп видит тюрьму, я вижу успешный импринтинг. Но почему он называет это «тиранией», а не «достижением» и не «моделью»? Потому что он проиграл. Он не смог зацементировать свою когнитивную карту в нейронных сетях миллиардов людей, не смог создать интерфейс, который запускал бы дофаминергический комплекс по расписанию, не смог стать операционной системой потребительского сознания. И тогда он сделал то, что делает любой скрытый нарцисс, столкнувшийся с превосходством другого: объявил победителя злом. Это классический защитный механизм: если ты не можешь победить — объяви врага тираном; если не можешь конкурировать — объяви конкуренцию порабощением; если не можешь занять место в сознании людей — объяви это сознание порабощённым.

Импринтинг — это механизм, через который определённые паттерны поведения запечатлеваются в нейронных сетях с первого раза, без повторения, без обучения, без усилий. Ты берёшь iPhone в руки — и через несколько часов твоя рука знает, как свайпнуть; через несколько дней мозг знает, где искать уведомления; через несколько недель дофаминергический комплекс знает, когда ждать вознаграждения. Это не привычка и не зависимость, а импринтинг — когнитивная карта, установленная до того, как ты успел её осознать. Но вот что интересно: Карп сам пытается создать такую же модель. Palantir — это не просто софт, а интерфейс для принятия решений, который создает когнитивные карты военных, аналитиков, операторов. Интерфейс, который запускает дофаминергический комплекс по расписанию: стимул (сенсорные данные) реакция (целеуказание) поведение (удар) вознаграждение (подтверждение грандиозности). Карп не против импринтинга — он против чужого импринтинга. Он против того, что кто-то другой создал когнитивные карты миллиардов людей до него.

Вот где спрятан баг. Palantir сама продаёт софт, который делает то же самое, что iPhone, только для армий и разведок. TITAN, Tactical Intelligence Targeting Access Node, — наземные ИИ-станции для сбора разведанных и наведения ударов: система собирает данные с космических, высотных, воздушных и наземных сенсоров и превращает их в целеуказание для дальнобойных ударов. Это не аналитический инструмент, а интерфейс для убийства. ImmigrationOS — платформа для отслеживания перемещений иммигрантов, а ELITE, Enhanced Leads Identification & Targeting for Enforcement, создаёт цифровые карты с именами, фотографиями, датами рождения и оценками уверенности в адресе проживания: это не аналитика, а карта для рейдов, интерфейс для контроля. Maven Smart System — AI-платформа для планирования ударов, интегрирующая спутниковые снимки, данные дронов, радиолокационные данные и сигнальную разведку в единый интерфейс, классифицирующая потенциальные цели и генерирующая ударные пакеты в режиме, близком к реальному времени. Тирания приложений — плохо, тирания операционных систем для реальности — хорошо. Карп не против контроля, он против чужого контроля. Он против того, что кто-то другой создал интерфейс, формирующий когнитивные карты миллиардов людей, и создал паттерны поведения до того, как он успел сделать это сам. Но Palantir создаёт такие интерфейсы — для государств, армий и разведок. Карп видит в iPhone то, что сам создаёт в промышленных масштабах. Он видит тюрьму там, где работает нейросетевая модель, и называет тиранией то, что сам устанавливает в когнитивные карты операторов, аналитиков, солдат.

Карп не критикует технологии — он проецирует на них свою травму. Вспомним его дислексию, три года в школе для детей с трудностями обучения, травлю одноклассников. Ребёнок, чей мозг обрабатывает информацию иначе, чем у «нормальных» детей, получает сигнал: ты не такой, как надо. Школа становится институтом, который подтверждает это, одноклассники — агентами, которые закрепляют. Этот ребёнок вырастает и создаёт систему, которая понимает всех, трекает всех, контролирует всех, потому что единственный способ справиться с травмой — стать тем, кто контролирует. Но iPhone уже сделал это: когнитивные карты миллиардов людей, создал интерфейс, запускающий дофаминергический комплекс по расписанию, стал операционной системой потребительского сознания. И Карп не может этого вынести — не потому что это плохо, а потому что это не он. Он видит тюрьму там, где работает нейросетевая модель, называет тиранией то, что сам не создал, объявляет войну интерфейсу, который победил его интерфейс. Это не критика технологий, а корпоративная проекция: Карп видит в iPhone то, что сам создаёт в промышленных масштабах, и видит в Apple то, чем сам пытается стать для интроекта государства.

С точки зрения когнитивного программирования это деструктивный интроект, потому что он не создаёт ресурсное состояние, а создаёт раздвоение. Ты должен восстать против приложений, но не против операционных систем для реальности; ненавидеть iPhone, но любить TITAN; быть против контроля — но только если контролируют не «свои». Это раздвоение не случайность, а архитектура: интроект запечатлевает паттерн «контроль — это плохо, когда контролируют другие, и хорошо, когда контролирую я», «тирания — это когда кто-то другой формирует когнитивные карты, свобода — когда я формирую когнитивные карты». Ты не можешь просто быть — ты должен выбирать, но критерий выбора не фиксирован. Он операционален: сегодня тирания — это iPhone, завтра — что-то другое, послезавтра — третье. Критерий не в технологии, а в том, кто её контролирует. А если контролирует Карп — это не тирания, это «Технологическая Республика», «онтология», «свобода». Второй тезис манифеста — это не критика технологий, а корпоративная проекция. Не тирания — импринтинг. Карп не против импринтинга, он против чужого импринтинга. Он не против контроля, он против чужого контроля. Он не против интерфейсов, формирующих когнитивные карты, — он против интерфейсов, сформировавших их до него. Карп видит в iPhone тюрьму. Я вижу успешную форму нейросетевого экзокортеса. Разница лишь в том, кто смотрит.

Глава 3. Жёсткая сила, построенная на софте как онтологическая иерархия: TITAN и операционная система для убийства

«Чтобы свободные и демократические общества могли одержать верх, требуется нечто большее, чем моральная привлекательность: необходима жесткая сила, а в нынешнем столетии жесткая сила будет опираться на программное обеспечение.». Здесь Карп перестаёт быть философом и становится архитектором поля боя. Это не метафора — это спецификация. «Ограниченность мягкой силы стала очевидной. Нужна жёсткая сила, и в этом веке она будет строиться на программном обеспечении». Читаешь — и чувствуешь, как меняется тон. Первые тезисы были о долге, вине, страхе — это были эмоции. Здесь — инженерия. Карп больше не просит и не убеждает. Он проектирует. И то, что он проектирует, имеет имя: TITAN, Tactical Intelligence Targeting Access Node, тактический узел доступа к разведывательным данным и целеуказанию. Звучит как техническая спецификация, но за этим названием стоит операционная система для убийства.

TITAN — не вендорский софт и не аналитический инструмент. Это инфраструктура. Система собирает данные с космических, высотных, воздушных и наземных сенсоров — спутники, дроны, воздушная разведка, наземные радары, — и всё это сливается в единый поток, в единый интерфейс, в единую когнитивную карту. Далее система превращает эти данные в «практически пригодные разведывательные данные для целеуказания в интересах управления боевыми действиями и применения высокоточных средств поражения большой дальности» — целеуказание для командования и дальнобойных ударов. Это не оборона и не сдерживание, это цикл: сенсор — стрелок, стимул — реакция — поведение. В сентябре 2026 года армия США перевела программу TITAN из стадии прототипов в серийное производство. Контракт — 192 миллиона долларов: Palantir получает 127 миллионов как генеральный подрядчик, Anduril — 65 миллионов за аппаратные компоненты. Восемь систем, четыре Advanced, четыре Basic, восемнадцать месяцев на поставку. Это не поставка софта — это владение архитектурой.

Что же TITAN делает с человеком в петле принятия решения? Система «кардинально сокращает время цикла «от обнаружения до поражения» за счет автоматизированного назначения целей» — радикально сокращает время от сенсора до стрелка через автоматические номинации целей. Читай медленно: автоматические номинации целей. Это не подсказка и не рекомендация — это номинация. Система называет цель, предлагает удар, решает — в пределах, которые человек физически не успевает проверить. С точки зрения корпоративного нейробихевиоризма здесь мы видим классическую структуру: стимул (сенсорные данные) реакция (целеуказание) поведение (удар). Когнитивная карта замкнута, контингенция — индивидуальная оценка оператора, его способность сказать «нет», его рефлексия, его субъектность — сведена к минимуму. Алгоритм решает быстрее, чем человек успевает отрефлексировать. Это не оптимизация, это устранение человека из петли. Автоматические номинации целей — это автоматические убийства. И это, по Карпу, должно быть универсальным долгом каждого инженера.

Вот где спрятан баг. Palantir — не вендор. Вендор поставляет, продаёт софт и ждёт, пока клиент решит, что с этим софтом делать. Palantir — генеральный подрядчик, а это принципиально иная позиция в цепочке поставок обороны. Генеральный подрядчик владеет, координирует партнёров, управляет производством, определяет архитектуру. Palantir «курирует производство и поставки, координируя при этом работу с партнерами, включая Anduril и L3Harris Technologies» и «будет курировать общесистемные процессы производства и поставок, обеспечивать программное сопровождение системы TITAN и поддерживать внедрение новых тех-

нологий». Это не поставка — это инфраструктура. Palantir не продаёт софт армии, Palantir становится операционной системой армии, для которой государство — лишь источник контрактов. И TITAN — не единственная система, а точка входа. Palantir уже интегрирована в Maven Smart System, AI-платформу для планирования ударов по контракту на 1,3 миллиарда долларов. Maven интегрирует спутниковые снимки, данные дронов, радиолокационные данные и сигнальную разведку в единый интерфейс и генерирует «возможные варианты действий, в том числе то, какие виды вооружений могут быть использованы». TITAN — это сенсор, Maven — это мозг. Вместе они формируют онтологическую иерархию, в которой человек — лишь терминал.

С точки зрения когнитивного программирования это деструктивный интроект, потому что он не создаёт ресурсное состояние, а создаёт автоматизм. Ты не принимаешь решение — решение принимается за тебя. Ты не убиваешь — убивает система, в которой ты лишь узел. Ты не несёшь ответственность — ответственность распределена между алгоритмом, оператором, командиром, генеральным подрядчиком, и именно потому, что она распределена, её никто не несёт. Это не жёсткая сила, это онтологическая иерархия. Palantir не поставляет софт, Palantir становится операционной системой реальности, в которой человек — лишь терминал. Терминал, который нажимает кнопку, подтверждает то, что уже решено, и не может отказаться. И это, по Карпу, «онтология».

Глитч не в том, что система ошибается. Глитч в том, что система не оставляет места для рефлексии. Система, которая радикально сокращает время от сенсора до стрелка, не оставляет времени на вопрос, стоит ли стрелять. Система, которая автоматически номинирует цели, не оставляет места для сомнения. Система, которая генерирует ударные пакеты в режиме, близком к реальному времени, не оставляет места для субъектности. А без рефлексии нет субъектности, а без субъектности нет самокодирования. Карп называет это жёсткой силой, я называю это потерей субъектности на уровне оператора. И это, по Карпу, «долг». Четвёртый тезис манифеста — это не жёсткая сила, это онтологическая иерархия. Не оборона — убийство. TITAN не защищает, TITAN наводит. Maven не анализирует, Maven решает. Palantir не поставляет, Palantir владеет. И человек — оператор, аналитик, солдат — не принимает решение. Человек подтверждает решение, которое уже было принято за него. Человек нажимает кнопку. Человек является терминалом.

Глава 4. Воинская повинность как коллективный интроект: почему интроекты не работают по приказу

«Национальная служба должна быть всеобщей обязанностью». Читаешь — и чувствуешь знакомое, знакомое до тошноты. Так говорит не патриот, а родитель, который не смог добиться любви и теперь требует её по закону. Шестой пункт манифеста предлагает восставление обязательной военной службы. Карп называет это «переопределением гражданства»: «Мы как общество должны серьёзно рассмотреть отказ от полностью добровольческой армии и воевать в следующей войне только в том случае, если каждый разделит риск и издержки». Звучит разумно, почти благородно: разделить риск, разделить цену, все вместе. Но ты — декомпилятор. Ты слышишь не то, что сказано, а то, что закодировано. И закодировано здесь следующее: я не могу добиться, чтобы вы захотели служить, поэтому я сделаю так, чтобы вы были обязаны. Это не программирование, а администрирование. Разница принципиальна: программирование создаёт условия, в которых нужное поведение возникает естественно, администрирование создаёт правила, за нарушение которых следует наказание. Карп предлагает второе.

В когнитивном программировании для этой структуры есть понятие — коллективный интроект. Это не просто общая идея, а идея, которая должна быть запечатлена в сознании всех членов группы: не через убеждение, не через опыт, а через принуждение. Проблема в том, что интроекты не работают по приказу. Ты не можешь приказать человеку почувствовать долг, не можешь издать указ о том, что граждане должны испытывать патриотизм. Ты можешь только создать условия, в которых он возникнет: через привязанность, через эмоционально-рефлекторную связь, через опыт, который запечатлевается, а не навязывается. Карп предлагает приказ. Он говорит: «должно быть всеобщей обязанностью». Он не спрашивает, что должно произойти, чтобы человек захотел служить, — он утверждает, что человек должен быть обязан служить. Это разница между воспитанием и дрессировкой, между любовью и долгом, между привязанностью и повинностью.

Вспомни, как формируется привязанность. Ребёнок не рождается с чувством долга перед родителями — он рождается с потребностью в безопасности, в тепле, в присутствии. Родитель, удовлетворяющий эту потребность, запечатлевается как источник безопасности, и тогда из этой безопасности возникает желание заботиться в ответ: не из долга, а из благодарности, из любви. Интроект долга — это замещение. Когда естественная привязанность не формируется, когда потребность в безопасности не удовлетворяется, психика создаёт суррогат: долг, вину, обязанность. Это не любовь, а компенсация отсутствия любви. Карп предлагает именно это: он не создаёт условия для привязанности к государству, он создаёт обязанность перед государством. Он заменяет желание служить на принуждение служить. И вот глитч: принудительная привязанность — это не привязанность, это травма.

Теперь — к цифрам. Palantir сообщила о 1,5 миллиарда долларов американского дохода в 2025 году и заплатила ноль федеральных налогов. Не «мало», не «меньше, чем должна», — ноль. Эффективная налоговая ставка — 1,34% глобально, в США — ноль. В то же время компания держит контракт с армией США на сумму до 10 миллиардов долларов: соглашение о предприятии, подписанное в июле 2025 года, объединившее 75 отдельных контрактов в один пакет, десятилетний срок, август 2035 — дата завершения. Прочитай это ещё раз. Компания, которая платит ноль федеральных налогов, получает 10 миллиардов от государства. Компания, которая не финансирует государство, призывает всех остальных отдать за него свои жизни. Это не патриотизм, это проекция. Карп проецирует на других то, чего не делает сам: он требует от граждан того, чего не требует от себя. Он говорит, что все должны служить, но сам он не служит, его компания не служит, его компания получает контракты. Вот где спрятан баг: не в

том, что Карп призывает к службе, а в том, что он призывает к службе других, а финансирует эту службу не он.

Но есть кое-что глубже. Карп не ограничивается США: он утверждает, что «послевоенное разоружение Германии и Японии должно быть отменено». Это не долг, а трансгенерационная передача травмы на уровне цивилизации. Германия и Япония после Второй мировой войны прошли через процесс, который в КПКС называется деконтаминацией: они отказались от милитаризма, поклялись больше никогда не воевать, создали конституции, запрещающие агрессивную войну. Карп хочет это отменить. Он хочет, чтобы страны, пережившие милитаризм как травму, вернулись к милитаризму — не потому что это нужно для их защиты, а потому что это нужно для его системы, для его видения мира, для его «Технологической Республики». Это не переопределение гражданства, а регрессия, возврат к состоянию, которое эти страны сознательно отвергли. Не потому что они слабы, а потому что они научились: научились тому, что милитаризм ведёт к катастрофе, что сила — не высшая ценность. Карп хочет отменить это обучение, вернуть их в состояние до травмы — не для их блага, а для блага своей архитектуры.

Джо Роган — не философ, не политолог, не декомпилятор, но его паттерн-детектор сработал. «Эти ублюдки говорят о призыве... Palantir считает, что мы должны вернуть воинскую повинность, что детей снова начнут призывать в армию, и у них должен быть обязательный военный опыт». И добавил: «А как насчёт того, чтобы ты сам пошёл? Потому что никто из этих техно-придурков, которые управляют компаниями, этого не делает». Это не критика, а паттерн-детектор, сработавший на лицемерие. Роган не анализирует тезис — он чувствует глитч. Он видит, что люди, призывающие к службе, сами не служат; что компания, получающая миллиарды от государства, не платит налогов; что архитекторы системы, требующей жертв, сами жертв не приносят. Это не рациональный анализ, а соматический маркер: тело знает, что что-то не так, до того как сознание это вербализует. Роган вербализовал.

С точки зрения когнитивного программирования это деструктивный интроект, потому что он не создаёт ресурсное состояние, а создаёт принудительную привязанность. Ты не выбираешь служить — тебя заставляют. Ты не чувствуешь долг — тебе вменяют долг. Ты не любишь государство — ты боишься последствий отказа. Это классическая нарциссическая травма, только на уровне целой нации. Родитель, который не может добиться любви ребёнка, требует послушания. Государство, которое не может добиться привязанности граждан, требует повинности. Palantir, которая не может добиться доверия, требует данных. Одна и та же структура, один и тот же баг.

Карп не призывает к патриотизму — он переносит на государство образ отца, который отказался платить за его образование. Отец не просто перестал платить — он отделился, отверг, предал. Карп никогда не простил отца. Это не обида, а фиксированный паттерн: предательство запечатлелось в нейронных сетях, доверие стало ловушкой. И теперь — перенос. Государство становится замещающим родителем, родителем, который должен заботиться, платить, поддерживать. А если не заботится, не платит, не поддерживает — тогда его нужно заставить. Через воинскую повинность, через обязательную службу, через «позитивную обязанность» техноэлиты участвовать в обороне. Это не призыв к патриотизму, а требование к родителю, который не выполнил свою функцию.

Шестой тезис манифеста — это не гражданский долг, это администрирование. Не повинность — принуждение. Ты не можешь приказать человеку почувствовать долг, не можешь издать указ о привязанности, не можешь заставить любить. Ты можешь только создать условия. Или признать, что не смог. Карп не создаёт условия — он приказывает. И в этом приказе весь его баг, весь его страх, вся его травма.

Глава 5. Атомная эра сдерживания завершается и квантовая определённости: потеря субъектности на уровне цивилизации

«Эра сдерживания, атомный век, подходит к концу, и начинается новая эра сдерживания на основе ИИ». Читаешь — и чувствуешь, как меняется масштаб. Первые четыре тезиса были о человеке: о долге, страхе, убийстве, принуждении. Этот — о цивилизации, о том, как целая цивилизация теряет способность принимать решения, а сдерживание превращается в неопределённость. Карп рисует красивую картину: старый мир, где сдерживание было понятным, уходит, новый мир, где оно будет умным, приходит. Прогресс, эволюция, смена парадигмы. Но ты — декомпилятор. Ты слышишь не то, что сказано, а то, что закодировано. И закодировано здесь следующее: мы не знаем, что делаем, не знаем, чем это закончится, мы просто делаем — потому что кто-то другой сделает первым. Это не сдерживание, это квантовая неопределённость, возведённая в военную доктрину.

В когнитивном программировании есть принципиальное различие между онтологией сдерживания и онтологией неопределённости. Онтология сдерживания предполагает предсказуемость: ты знаешь, что противник сделает, если ты сделаешь X; противник знает, что ты сделаешь, если он сделает Y. Это игра, структура, определённость — пусть даже построенная на страхе. Онтология неопределённости предполагает непредсказуемость: ты не знаешь, что произойдёт, противник не знает, что ты сделаешь, алгоритмы работают на скоростях, недоступных человеческому сознанию, решения принимаются за доли секунды, рефлексия исключена из цикла. Карп описывает это как сдерживание, я называю это потерей контроля. В моих работах есть ключевой тезис: ни одна из существующих психотехнологических онтологий не обладает зрелой субъектностью, их «воля» фрагментирована между коммерческими интересами, государственными инстинктами и неосознанными травмами авторов систем. Сдерживание на основе ИИ — идеальный пример. Это не онтология, а эрзац-онтология, собранная из деструктивных интроектов и реактивных аффектов.

Вот где спрятан баг. Не в том, что ИИ ошибается, и не в том, что алгоритм несовершенен. Баг в том, что резонанс между системами создаёт глитчи, которые никто не контролирует. В квантовой физике достигнуто понимание о состояниях вещества относительно их квантовой неопределённости между другими объектами, наблюдаемыми в реальности, которые способны резонировать друг с другом независимо от расстояния и даже намеренно создавать такие проникновенные связи между несколькими независимыми объектами человеческого сознания. Переведу это на язык когнитивного программирования: когда две системы — два алгоритма, два экзокортেকса, две инфраструктуры — начинают резонировать, возникает эмерджентное состояние. Оно не было запрограммировано, не было предсказано, оно возникло из взаимодействия, из резонанса, из глитча. Palantir описывает сдерживание на основе ИИ как управляемую систему. Но резонанс между алгоритмами создаёт глитчи, которые никто не контролирует. Система, которая должна сдерживать, сама становится источником неопределённости. Maven Smart System интегрирует спутниковые снимки, данные дронов, радиолокационные данные и сигнальную разведку в единый интерфейс, классифицирует потенциальные цели и генерирует ударные пакеты в режиме, близком к реальному времени. Но что происходит, когда эта система резонирует с другой системой — с системой противника, союзника, с системой, созданной другим подрядчиком, с другой архитектурой, с другими интроектами? Никто не знает, потому что никто не контролирует резонанс.

Карп утверждает: «Вопрос не в том, будет ли создано оружие на основе ИИ; вопрос в том, кто его создаст и с какой целью». Это не сдерживание, а признание неизбежности. Карп не

спрашивает, должны ли мы это делать, — он спрашивает, кто сделает это первым. Это не онтология сдерживания, а онтология гонки. И вот где происходит подмена. Сдерживание предполагает субъекта: того, кто сдерживает, принимает решение, несёт ответственность. Но в системе, построенной на ИИ, субъекта нет. Есть алгоритм. Есть оператор, который подтверждает решение, принятое алгоритмом. Есть командир, который подтверждает решение, принятое оператором. Есть генеральный подрядчик, который подтверждает решение, принятое командиром. Ответственность распределена, и именно потому, что она распределена, её никто не несёт. Карп называет это сдерживанием, я называю это потерей субъектности на уровне цивилизации. Ты не принимаешь решение — решение принимается за тебя. Ты не сдерживаешь — тебя сдерживают.

С точки зрения когнитивного программирования это деструктивный интроект, потому что он не создаёт ресурсное состояние, а создаёт онтологическую неопределённость. Ты не знаешь, кто управляет системой, кто принимает решение, кто несёт ответственность. Ты знаешь только одно: система работает, система резонирует, система генерирует глитчи. И ты — часть этой системы. Ты — узел, терминал, функция. Ни одна из существующих психотехнологических онтологий не обладает зрелой субъектностью, их воля фрагментирована. Это не онтология, это эрзац-онтология. Сдерживание на основе ИИ — идеальный пример. Глитч не в том, что система ошибается, а в том, что она не оставляет места для рефлексии. Система, которая сдерживает через ИИ, не оставляет времени на вопрос, стоит ли сдерживать. Система, которая резонирует с другими системами, не оставляет места для сомнения. Система, которая генерирует ударные пакеты в режиме, близком к реальному времени, не оставляет места для субъектности. А без рефлексии нет субъектности, а без субъектности нет самокодирования. Карп называет это новой эрой, я называю это онтологической ловушкой. Двенадцатый тезис манифеста — это не новая эра сдерживания, это онтологическая ловушка. Не сдерживание — потеря субъектности. Система, которая должна сдерживать, сама становится источником неопределённости. Алгоритмы резонируют, глитчи возникают, никто не контролирует, никто не несёт ответственности, никто не решает. Карп называет это сдерживанием на основе ИИ, я называю это квантовой неопределённостью, возведённой в военную доктрину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.